

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.02

Правильная ссылка на статью:

Лисицын П. П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 11—28.

For citation:

Lisitsyn P.P. The scope and content of the migration process: theoretical definition and operationalization of objects of migration studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 11—28.

П. П. Лисицын

ГРАНИЦЫ И СОДЕРЖАНИЕ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГРАНИЦЫ И СОДЕРЖАНИЕ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

THE SCOPE AND CONTENT OF THE MIGRATION PROCESS: THEORETICAL DEFINITION AND OPERATIONALIZATION OF OBJECTS OF MIGRATION STUDIES

*ЛИСИЦЫН Павел Петрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: Fox_sociology@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8617-5730*

*Pavel P. LISITSYN¹ — Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof.
E-MAIL: Fox_sociology@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8617-5730*

¹ Department of Comparative Sociology, Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Приводятся авторские определения сложных и многозначных терминов, используемых при описании и анализе миграционных процессов, с их адаптацией под потребности эмпирических исследований. Для этого автор среди прочего переосмысливает классические категории миграционных исследований. Теоретические рассуждения, представленные в статье, основываются на исследованиях про-

Abstract. The paper is oriented toward re-thinking classical categories in migration studies developed in Russian scholarly literature. The author provides definitions adjusted for the needs of empirical sociological research. The theoretical reasoning and empirical findings presented in the paper are based on researches organized and conducted by the International Research Laboratory «Transnationalism and migration pro-

водимых сотрудниками международной исследовательской лаборатории СПбГУ «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ» с 2009 по 2015 годы. В статье предлагаются теоретически обоснованные и операционализируемые определения понятий «миграционный процесс» (в теоретической и эмпирической трактовке), «эмигрант», «иммигрант», «статус иммигранта». В противовес принятому в отечественной научной литературе подходу, вводится и обосновывается деление миграционного процесса на два (а не три) этапа: первый этап включает действия, направленные на получение статуса иммигранта; второй этап — действия, направленные на потерю статуса иммигранта. Статья также содержит авторскую классификацию иммигрантов по их статусу: трудовые, образовательные, культурные, служебные, семейные и вынужденные иммигранты. Предлагаются критерии операционализации разных типов иммигрантов на основании их формальных характеристик и неформальных практик.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, иммигрант, эмигрант, статус иммигранта, классификация иммигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № 773.2017.6.

Постановка проблемы

В современном научном и общественно-политическом дискурсе миграция и миграционные процессы, несмотря на долгую историю их осмысления и регулирования, представляют собой одну из наиболее острых и обсуждаемых тем. Сущность миграционного процесса представляется участникам обсуждений ин-

cesses: comparative and institutional analysis» in 2009—2015. The author proposes his reading of the terms: «migration process» (in its theoretical and empirical interpretations), «emigrant», «immigrant», and «immigrant status». In opposition to the approach commonly practiced in Russian academic literature the paper introduces the division of the migration process into two (not three) stages: the first stage includes actions aimed at receiving the migrant status; the second stage represents actions carried out to lose the migrant status. The article contains the author's classification of immigrants according to their status: labor, education, culture, service, family or forced immigrants. The author also proposes criteria for the operationalization of different types of immigrants according to their formal characteristics and informal practices.

Keywords: migration, migration process, immigrant, emigrant, immigrant status, immigrant classification

Acknowledgment. The article is supported by the Russian Federation President Council on Grants project no. 773.2017.6.

туитивно понятной, однако попытки описания и анализа деталей процесса обычно сталкиваются с затруднениями. Прозрачный процесс при более детальном рассмотрении становится запутанным и многозначным. В настоящей статье предпринимается попытка внести ясность в терминологическую и содержательную неопределенность в отечественном научном дискурсе о миграции с точки зрения исследователя-практика, занимающегося эмпирическими исследованиями миграции и сталкивающегося с необходимостью не только теоретически определить, но и операционализировать объекты исследовательского интереса.

Отечественные и зарубежные исследования в области миграции многочисленны, они осуществляются представителями разных дисциплин: социологами и экономистами, политологами и психологами, демографами и историками (см., например, [Аллахвердян и др., 1995; Амелин и др., 1997; Бондырева, Колесов, 2007; Градосельская, 2004; Грищенко, 2001; Мукомель, 2005]). Разнообразные теории возникают в ответ на важные события своего времени: промышленная революция отражается в теориях миграции проектами, понимающими процесс как перемещение из села в город [Ravenstein, 1876; 1885, 1889; Stouffer, 1940; Lee, 1996]; географические открытия и появление новых «игроков» на политической арене проявляются в теориях миграции как описание выездов в новые страны и конструирование исторических теорий мобильности [Zelinsky, 1971]; начавшаяся деколонизация европейских стран дает новое направление развития миграционных теорий, рассматривающих перемещение между бывшими колониями и метрополиями [Harris, Todaro, 1970]; возникновение теорий глобализации способствует появлению иного витка миграционных теорий, фиксирующих движение из центра в периферию [Castles, Miller, 1993; Sassen, 2000; Massey, 2002]; подъём феминистских настроений определяет возникновение теорий гендерной миграции [Oishi, 2002] и т. п.

Теории, характеризующие миграцию, лишь в малой степени пересекаются друг с другом: появляясь как ответ на исторические события и научные «повороты», каждая новая теория описывала текущее состояние миграции и рефлексии о ней. Единственная характеристика мигранта, проходящая «красной линией» через все миграционные теории, — это фиксация исследователем факта перемещения из региона основного места проживания в новый. Кроме того, внешние и внутренние «стимулы», побуждающие исследователей изменять теоретические и эмпирические подходы к исследованию миграции, — не единственная причина отсутствия стройного теоретического описания миграционных процессов. Исследования, описывающие миграцию, часто рассматривали её участников лишь в качестве контекстов или субъектов влияния более значимых для исследователя процессов: экономических, политических, социальных, юридических и иных. Факт миграции интересовал ученых поскольку, во-первых, этот процесс оказывал влияние на интересующие исследователя процессы, а во-вторых, рассматривался как явление, «проверяющее на прочность» анализируемые объекты. Как следствие, юридические, политические, экономические толковые словари и научные статьи предоставляют разное понимание основополагающих терминов миграционных процессов. В научном мире появляются «собственные» мигранты для экономики, психологии, социологии и т. п., а всякий междисциплинарный научный дискурс

по миграционным процессам (особенно в отечественной научной литературе) начинается со споров по согласованию толкования основных терминов. При этом многие ученые полагают, что миграционные процессы и мигрант являются междисциплинарными объектами изучения, а знания и подходы из разных дисциплин должны быть интегрированы [Юдина, 2002].

Иными словами, интуитивное ощущение большого количества накопленной по миграционным процессам информации верно, однако также верно, что эта информация скрыта от исследователя в массиве разрозненных исследовательских данных, собранных в рамках различных дисциплин и описывающих различных участников миграционных процессов. Возможно, состояние актуального понимания миграции и миграционных процессов может быть описано перифразом известной сентенции Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю» — мы знаем слишком много о миграции для ясного ее понимания.

Анализируя накопленный теоретический и эмпирический материал, а также опыт различных наук в изучении миграционных процессов, автор предпринимает попытку определения базовых категорий миграционных исследований. Наш подход состоит в том, чтобы сделать «краеугольным камнем» исследовательского интереса именно миграцию, то есть изучать ее не как исключительный процесс, оказывающий временное влияние на постоянные процессы и явления, а как социальный факт.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. Сначала мы рассмотрим понятие миграционного процесса, зафиксируем границы, обсудим теоретическую и эмпирическую трактовку его содержания, этапы. Затем будет представлено определение статуса иммигранта и формальные и неформальные критерии его операционализации. В завершение обратимся к вопросу операционализируемой классификации иммигрантов по их статусу и дополнительным характеристикам.

Границы и содержание миграционного процесса

В исследованиях миграции «миграционный процесс» рассматривается как базовое, фундаментальное понятие [Рязанцев, 2001; Рыбаковский, 2001; Карачурина, 2006; Portes, 2006; Ozden, Schiff, 2006] практики миграционных исследований. На рассмотрении данного понятия выстраиваются дальнейшие теоретические и эмпирические рассуждения этой статьи. Определение базовых характеристик миграционного процесса является первостепенной задачей любого исследования в области миграции, которую, очевидно, нужно решить до начала эмпирического этапа.

Для использования категории миграционного процесса в эмпирическом исследовании необходимо четко осознавать его границы, то есть исследователь должен иметь представление о том, когда человек начинает участвовать, а когда выходит из этого процесса. В отечественной традиции миграционных исследований распространенной является классификация, по которой миграционный процесс подразделяется на три стадии: формирование идеи о переезде, переезд на новое место жительства и адаптация на новом месте пребывания [Зайончковская, 1998; Рыбаковский, 1998]. Другими словами, в случае принятия подобной трактовки

исследователь будет считать, что человек начинает участвовать в миграционном процессе с момента возникновения идеи о переезде и завершает этот процесс после прохождения адаптации на новом месте. В этом случае на разных стадиях миграционного процесса, исследователь будет фиксировать у его участника различные виды отношений со средой. На первой — исследователь наблюдает субъект-объектное отношение, где мигрант является объектом, в то время как субъектом будет служить среда, оказывающая на него влияние и формирующая идею о переезде, на второй и третьей стадии, скорее, возможна фиксация субъект-субъектного отношения, в которой участник процесса начинает оказывать влияние на окружающую действительность (покупать билеты, искать контакты на новой территории, собирать необходимые документы, общаться с местными жителями).

У исследователя-практика возникает два вопроса к подобному разделению миграционного процесса на три стадии. Во-первых, как разделить участников миграционного процесса и потенциальных участников миграционного процесса? Если рассматривать стадию формирования идеи о переезде, то, условно, каждый житель глобального мира может рассматриваться как участник первой стадии миграционного процесса. Исследователь столкнется с проблемой установки объективных критериев для разделения потенциальных и непосредственных участников миграционного процесса, что приведет к путанице уже на стадиях отбора эмпирических объектов исследования. Во-вторых, можно ли считать миграционными исследования, в которых мигрант является объектом в субъект-объектных отношениях, и не являются ли они исследованиями любых других (экономических, политических и т. п.) процессов, в контексте перемещений из одного региона в другой?

Описываемый в статье подход предполагает, что считаться исследованиями миграционного процесса будут только те, в которых непосредственные участники миграционного процесса вступают во взаимодействие с окружающими на основе субъект-субъектных отношений. Другими словами, в рамках анализа миграционных процессов нет необходимости исследовать стадию формирования идеи о переезде, соответственно, в качестве временных границ процесса предлагаются следующие точки: переезд и адаптация на новом месте.

Определив границы миграционного процесса, перейдем к характеристике его непосредственного содержания. Поскольку термин «миграционный процесс» имеет две составляющие, для его осмысления их важно рассмотреть как по отдельности, так и во взаимосвязи. В первую очередь, следует обратиться к трактовке понятия *процесс*. Если рассмотреть его определения, то станет понятно, что речь идет о широком философском понятии, суть которого заключается в том, что *процесс* — это «совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата»¹. Вместе с тем *процесс* является «совокупностью обратимых и необратимых, но различных по времени спонтанных и управляемых изменений, результатом которых является какое-то новшество»². Таким образом, в качестве

¹ Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/246322> (дата обращения: 17.01.2017).

² Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru (дата обращения: 17.01.2017).

процесса исследователю будет интересна определенная последовательность действий, протяженная во времени и имеющая в качестве завершения (end — см. [Парсонс, 2000]) новое состояние объекта изучения.

Нас интересует конкретный процесс, относящийся к миграционной сфере (*миграционный процесс*), который отличается от любого другого не только набором последовательных событий, но и специфическим результатом цепочки действий, растянутой во времени. Речь идет о шагах, направленных на выезд из одного региона и въезд в другой.

В научной литературе не существует общепринятых терминов для статусов выезжающего и въезжающего. Наиболее близкими категориями являются понятия «иммигрант» и «эмигрант». Однако они нуждаются в уточнении: далее под *эмиграцией* понимается выезд из региона постоянного проживания на любое время с любой целью, а под *иммиграцией* — въезд в любой регион, отличный от постоянного места проживания, на любое время с любой целью. Возвращаясь к миграционному процессу как к системе действий со специфическим результатом, можно сказать, что только если последняя направлена на завершение эмиграционного и/или иммиграционного акта, то можно говорить о миграционном процессе. Соответственно, результатом должен стать стремящийся к завершению акт эмиграции и заверченный акт иммиграции. Для того чтобы исследователь мог утверждать, что акт эмиграции и акт иммиграции завершены, их участник должен вначале обрести статусы выезжающего (в регионе отъезда) и въезжающего (в регионе въезда), а затем лишиться: либо обоих статусов (при условии возвращения на родину или смерти), либо только статуса въезжающего. В этом случае исследователь сможет зафиксировать выход участника из миграционного процесса. Тогда теоретическая трактовка миграционного процесса может быть представлена как *последовательная, протяженная во времени цепочка действий, результатом которой является обретение статусов эмигранта и иммигранта с последующей потерей либо обоих статусов, либо статуса иммигранта*.

При этом акт эмиграции можно считать завершенным в случаях: (1) возвращения из региона временного места проживания в регион постоянного места проживания; (2) смерти. Акт иммиграции можно считать завершенным в случаях: (1) выезда с новой принимающей территории; (2) перемены статуса временного места проживания на постоянное на новой территории; (3) смерти.

Определив содержание и границы миграционного процесса, в *теоретической трактовке*, можно заключить, что базовым эмпирическим объектом исследования, фокусирующегося на миграционном процессе, является человек, совершающий действия для обретения статусов эмигранта и иммигранта с последующей потерей либо обоих статусов, либо статуса иммигранта. При этом потеря статусов эмигранта и иммигранта может быть вызвана либо целенаправленной цепочкой действий, либо естественной причиной — смертью.

Если же обратиться к *эмпирической трактовке* миграционного процесса, то необходимо отметить, что основное отличие от теоретической трактовки заключается в разнице фактического влияния на человека статусов эмигранта и иммигранта. Статус эмигранта оказывает влияние в регионе отъезда, однако его получение связано с выездом из этого региона. Соответственно, в эмпирической трактовке

статус эмигранта не оказывает влияния, так как в том месте, где он мог бы оказывать влияние, человека уже нет, а при возвращении на территорию основного места жительства он перестает быть эмигрантом.

Отметим, что термин *эмигрант* может казаться актуальным для эмпирических исследований при анализе:

1. Людей, выехавших из одного региона («Российские художники эмигранты в Париже XX века», «Эмигранты третьей волны в США» и т. д.) (см., например, [Толстой, 2005]).
2. Транснациональной сущности участников миграционного процесса, когда речь идет о сохранении контактов с родиной, оказывающих влияние на повседневные практики иммигрантов [Kivisto, 2001].
3. Статистических показателей перемещения населения (см., например, [Клупт, 2005]).

Однако во всех этих случаях нельзя говорить о влиянии статуса эмигранта на поведенческие практики участника миграционного процесса.

В первом случае термин «эмигранты» используется лишь для указания места отъезда иммигрантов. Исследователи имеют в виду, что их интересуют художники-иммигранты, приехавшие из России, и их практики в Париже или иммигранты третьей волны из России и их практики в США.

Во втором случае преувеличение важности статуса эмигранта может быть показано на следующем примере: человек, выехавший из Узбекистана, по полгода проработал в России, в Украине, в Киргизии. Во всех регионах он завязал долговременные полезные в работе контакты с местными жителями, в последнем регионе поддерживал контакты с представителями всех предыдущих мест, и эти контакты оказывали влияние на его практики. Однако в каждом новом регионе он имел статус именно узбекского эмигранта, а не эмигранта из Узбекистана, России, Украины. Приведенный пример демонстрирует: если общение с представителями Узбекистана и оказывало на него большее влияние, то только в силу того, что в Узбекистане он родился и вырос, там его родственники. Другими словами, в случае анализа транснациональной сущности иммигранта исследователь может утверждать, что не статус эмигранта, а социальные контакты и культурные нормы влияют на его повседневные практики.

В третьем примере статус эмигранта не оказывает влияние на поведение перемещающегося, так как эмигранты рассматриваются исключительно как статистические единицы, указывающие на процент выехавших из страны или региона, а их действия не оцениваются вовсе.

Следует отметить, что современные социологические исследования миграционных процессов, не производя подробного анализа терминологии, зачастую отказываются от определения человека, участвующего в миграционном процессе, как «эмигранта» и «иммигранта», называя его просто «мигрантом» (см., например, [Вендина, 2005]). Происходит это, возможно, в силу интуитивного понимания, что основное влияние на мигранта (участника миграционных процессов) оказывает статус иммигранта, который человек получает при въезде на новую территорию, а статус эмигранта, как уже упоминалось выше, не обладает влиянием вовсе, а значит при эмпирической трактовке может быть опущен.

Таким образом, в эмпирической трактовке миграционный процесс не должен рассматриваться как сумма эмиграционного акта и заверщенного иммиграционного акта. Его составными частями являются не въезд и выезд, а *два новых состояния: получение статуса иммигранта и последующий выход из статуса иммигранта*. Рассматривая миграционный процесс с эмпирической точки зрения, есть возможность исключить ненужную путаницу в терминологической составляющей различных миграционных исследований, делая первый шаг к сопоставимым, сравнимым миграционным исследованиям разных авторов, разных территорий, разных мигрантов.

Этапы миграционного процесса

Несмотря на предложенное терминологическое упорядочение, миграционный процесс в эмпирической трактовке по-прежнему представляется сложным социальным процессом, состоящим из двух подпроцессов: *в качестве первого этапа он включает в себя действия, направленные на получение статуса иммигранта; в качестве второго — действия, направленные на потерю статуса иммигранта*.

Как правило, на первом этапе миграционного процесса целенаправленная система действий для обретения статуса иммигранта очевидна и легко фиксируется исследователем. На втором этапе, казалось бы, не всегда можно зафиксировать систему действий иммигранта, целью (завершением) которой будет потеря этого статуса. Однако опровергнуть это суждение можно, подробнее рассмотрев возможности его завершения. Второй этап можно считать завершенным по следующим причинам:

1. Выезд с территории временного места жительства, когда участник совершает осознанную систему действий, направленную на отъезд. В этом примере исследователь, очевидно, фиксирует осознанную целенаправленную систему действий участника.
2. Выезд с территории временного места жительства в следующих случаях:
 1. участник совершает цепочку действий, приведшую его к отъезду;
 2. отъезд совершается помимо его воли. При недобровольном отъезде исследователь также, очевидно, сможет фиксировать цепочку действий, но она не будет осознаваться самим участником процесса как рациональная система действий, направленная на возвращение, и может рассматриваться исследователем как ошибка в действиях (*error* — см. [Парсонс, 2000]).
3. Смена статуса временного места жительства на постоянное.
4. Смерть участника. В данном примере исследователь будет фиксировать обстоятельства непреодолимой силы.

Таким образом, целенаправленная цепочка действий участника миграционного процесса всегда приводит его к потере статуса иммигранта. Окончательно подтвердить этот тезис помогут ответы на кажущиеся спорными вопросы:

1. Может ли человек, имея набор характеристик для определения статуса иммигранта как официального, всю жизнь находиться на принимающей территории в рамках участия в одном миграционном процессе?
 - Это невозможно, так как в случае набора свойств, присущих формальному статусу «иммигрант», человек должен реально или формально покинуть

новую территорию. Может казаться, что приехавший из другого региона постоянно находится в статусе иммигранта, однако фактически его кажущийся постоянным статус состоит из периодических завершений миграционного процесса и участия в новом миграционном процессе. Это одинаково верно для всех типов иммигрантов. Приведем пример из российской действительности. Внешний иммигрант обязан фактически выезжать из страны, тем самым завершая миграционный процесс, а потом начинать новый во всех случаях, кроме повторной подачи документов на временный вид на жительство, что является формальным исключением и, по мнению автора, не может считаться продлением участия в миграционном процессе, так как, несмотря на разрешение не покидать территорию РФ, фактически государство не продлевает вид на жительство, а предоставляет новый. Кроме того, подача заявления на временный вид на жительство — это явный шаг к завершению очередного участия в миграционном процессе сменой места постоянного проживания. Внутренний иммигрант также завершает свое участие в миграционном процессе с определенной периодичностью. Несмотря на то, что формально внутренний иммигрант всю жизнь может иметь временную регистрацию на новой территории, фактически каждый раз это будет новая временная регистрация (свидетельство выдается максимум на пять лет), а не продление старой, и являющаяся самостоятельным актом регистрации, что, невзирая на редкие случаи невыезда человека из региона, позволяет утверждать, что миграционный процесс был завершен, а затем — при получении новой временной регистрации — начат заново. Однако подчеркнем, что практика постоянного наличия временной регистрации у внутренних иммигрантов крайне редка. Формально описанный случай возможен, но нужно учесть, что полное отсутствие выездов у иммигранта в новом регионе, в конце концов, приведет к появлению постоянной регистрации посредством брака или покупки жилья (как правило, параллельно с продажей недвижимости в регионе исхода), что, в свою очередь, также выведет человека из миграционного процесса.

2. Может ли человек, обладая характеристиками статуса неофициального (нелегального) иммигранта, всю жизнь находиться на принимающей территории в рамках одного миграционного процесса?
 - Имея неофициальный статус иммигранта, участник процесса всегда находится на нелегальном положении, с точки зрения государства. При попадании участника процесса в поле зрения государства, его нелегальный статус приведет к санкциям, что (в зависимости от санкций) вынудит его либо легализоваться (получить официальный статус иммигранта), либо завершить участие в миграционном процессе. Исследователь может столкнуться с примером, когда нелегальное положение иммигранта закреплено за ним всю жизнь, однако такие случаи редки и могут рассматриваться как исключения из правил.

Статус иммигранта

Дальнейшее теоретизирование в рамках эмпирической трактовки миграционного процесса вынуждает обратиться к определению понятия *статус иммигранта*,

к которому, как уже было указано выше, на первом этапе участник процесса стремится и от которого на втором этапе избавляется.

Единогласного понимания термина «иммигрант» в научной литературе не существует: трактовки совпадают в том, что это человек, прибывший в другую страну. Отличаются определения пониманием времени, на которое человек приехал: одни утверждают, что под иммигрантами нужно понимать людей, приехавших в новую страну на длительный или постоянный срок³, другие не считают сроки пребывания в стране важной характеристикой⁴. Тем не менее к любому из этих определений у исследователя-эмпирика возникает ряд вопросов.

Первый вопрос обращен к тем, кто определяет длительность времени нахождения как необходимую характеристику иммигранта: как исследователю зафиксировать планы человека, пересекающего границу, относительно длительности его нахождения на принимающей территории? Можно предположить, что есть возможность сделать это через анализ прямых и косвенных характеристик. Прямые характеристики — это декларации человека, пересекающего границу (формальные и неформальные). Формальная декларация — это въездная виза (и другие официальные документы), неформальная декларация — это заявление человека на приграничном контроле или непосредственно исследователю. Однако ни формальные, ни неформальные декларации сколько-нибудь точно не гарантируют выезда на долгий срок или постоянное пребывание, равно как и не гарантируют обратного. Косвенные характеристики — это опыт прошлых исследований, демонстрирующих, что человек, наделенный определенными характеристиками (семейное положение, характер занятости и т. д.) с большей долей вероятности останется на долгий срок или будет стремиться получить постоянное местожительство. Однако эти характеристики не дают гарантий исследователю. Таким образом, точно определить планируемый временной промежуток нахождения участника миграционного процесса на принимающей территории исследователь не в состоянии, а значит нецелесообразно основывать выделение иммигранта на основании критерия длительности пребывания.

Второй вопрос обращен к тем, кто определяет иммигранта как участника миграционного процесса, въезжающего из другой страны: почему термин «иммигрант» подходит только для внешней миграции и не распространяется на переезд из одного региона страны в другой (для которого вообще отсутствует термин)? Усложняя непротые термины, исследователи попадают в запутанный клубок терминологических и методологических споров, вызванных лишь неочевидными и часто нерелевантными определениями тех процессов, которые в исследовании должны быть четко определены. Так, «миграция», с одной стороны, характеризует все перемещения, с другой стороны, перемещения только на постоянное место жительства; «мигранты» определяются как участники процесса миграции, включающие в себя эмигрантов и иммигрантов, ограниченных характеристикой въезда в другую страну, при одновременном делении иммигрантов на внутренних и внешних и т. д.

³ Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов : учеб. пособие. М. : Издательство РГСУ : Академический Проект, 2007.

⁴ Энциклопедический словарь конституционного права [Электронный ресурс]. URL: <http://slovo.yaxy.ru/i-kp.htm> (дата обращения: 18.01.2017).

Для изучения миграционных процессов мы предлагаем рассматривать термин «иммигрант» без ориентации на время пребывания на новой территории и без привязки к государственности и гражданству. Иными словами, *иммигрант определяется как человек, въехавший на новую территорию (территорию, отличную от места его постоянного проживания, которая может фиксироваться гражданством, постоянной регистрацией, свидетельством соседей и т. п.)*. Таким образом, туристы, внутренние и внешние иммигранты, беженцы, командированные будут участниками миграционного процесса, то есть процесса приобретения статуса иммигранта и избавления от него.

Далее, для определения термина *статус иммигранта* нужно понять, с помощью каких показателей исследователь может определить, когда участник миграционного процесса становится обладателем статуса «иммигрант» и когда он его теряет.

Сложную категорию «статус иммигранта» следует рассматривать по тому же принципу, по которому уже был определен термин миграционный процесс: сначала мы рассмотрим термин «статус», а затем определим его специфику как статуса иммиграционного. «Статус» в широком понимании трактуется, как «совокупность стабильных параметров объекта»⁵, в социологической трактовке определяется как «положение (позиция) индивида или группы в социальной системе, определяемое по ряду признаков»⁶, влияющее на его повседневные практики. Термин *иммигрант*, как отмечено выше, означает участника миграционного процесса, въехавшего на принимающую территорию. Следовательно, под категорией *статус иммигранта* подразумевается совокупность стабильных признаков иммигранта, оказывающих влияние на характер его повседневных практик.

Первый уровень выделения иммигрантов из общего числа жителей предполагает фиксацию перемещений объекта в отличный от основного места проживания регион:

1. Наличие формальных признаков, подтверждающих факт нахождения на новой территории (регистрация по основному месту проживания, наличие временной регистрации и т. п.);
2. Отсутствие неформальных сигналов о признании новой территории основным местом проживания, так как их наличие будет свидетельствовать о выходе человека из миграционного процесса.

Для эмпирического исследования необходимо ввести второй уровень выделения иммигрантов, который продемонстрирует отличительные черты разных миграционных статусов:

1. Наличие формальных характеристик, отличающих одних участников процесса от других;
2. Наличие неформальных характеристик, отличающих одних участников процесса от других.

Фиксация формальных признаков на первом уровне происходит с помощью документальной констатации признаков нахождения человека на новой для него территории; для России, например, это следующие признаки:

⁵ Словари и энциклопедии на академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/687080> (дата обращения: 18.01.2017).

⁶ Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 18.01.2017).

1. Гражданство страны, отличной от места нахождения человека.
2. Временная регистрация в регионе его нахождения.
3. Постоянная регистрация в отличном от региона нахождения месте.
4. Отсутствие постоянной и временной регистрации (свидетельствует о нелегальном положении).

Параллельный факт отсутствия неформальных сигналов отношения к новому региону как к основному месту жительства интересует исследователя в качестве проверки незавершенности миграционного процесса и необходим только для части иммигрантов, например, для внутреннего иммигранта в случае длительного нахождения на принимающей территории с обновляющейся временной регистрацией.

Неформальными признаками, о которых идет речь, являются:

1. Длительное нахождение на принимающей территории (прямым признаком служит несколько временных регистраций на одной территории).
2. Наличие у объекта потенциальной возможности в течение короткого времени официально зарегистрировать новое место проживания в качестве постоянного (косвенными признаками могут служить наличие жилья в собственности, брак с жителем нового региона).

Второй уровень выделения необходим в связи с многообразием людей, перемещающихся в пространстве, не обладающих одинаковыми свойствами при въезде в новый для них регион. Это, в свою очередь, предполагает классификацию иммигрантов по их статусу. К решению этой задачи мы обратимся в последней части статьи.

Классификация иммигрантов

Первой сложностью, с которой сталкивается исследователь-практик при классификации иммигрантов по их статусу, является операционализация характеристик, по которым могут быть сгруппированы потоки иммигрантов. Ключевой характеристикой современных представлений о миграционных потоках является цель: так, по временному целеполаганию исследователи разделяют мигрантов на долгосрочных, маятниковых, временных, постоянных и сезонных; по причинному целеполаганию — на трудовых, учебных, вынужденных мигрантов, беженцев⁷. С точки зрения эмпирического подхода к исследованию, цель является неоперационализируемой категорией. Временное целеполагание не может быть основанием отнесения мигранта ни к одному из миграционных потоков, так как, во-первых, артикулируемый мигрантом планируемый срок нахождения на принимающей территории невозможно проверить; во-вторых, планирование срока пребывания основывается на субъективном анализе ситуации, что часто приводит к изменению планов. Причинное целеполагание не может быть основанием отнесения мигранта ни к одному из миграционных потоков по тем же причинам: во-первых, она непроверяемая, во-вторых, она субъективна.

Понимая, что иммигранты неоднородны по составу, исследователи нуждаются в типологии, которая позволяла бы анализировать участников миграционных

⁷ Глоссарий терминов в области миграции. Международное миграционное право. № 2 / под ред. Р. Перрушу ; Международная организация по миграции. Женева, 2005.

процессов. Оспаривать позицию, согласно которой цель является значимой категорией для разделения миграционных потоков, нет причины. Однако эмпирические исследования требуют операционализации категорий, что для категории цели является невозможным, как уже было отмечено выше. Поэтому в статье автор предлагает в качестве критерия классификации миграционных потоков выделить связанную с целью, но в отличие от нее операционализируемую, *цепочку целенаправленных действий иммигрантов, выражающуюся в конкретных и фиксируемых повседневных практиках*. Исходя из опыта проведенных лабораторий СПбГУ «Транснационализм и миграционные процессы» исследований миграционных потоков в России, США, Франции и Греции, в качестве критерия классификации выдвигается шесть видов действий иммигрантов. В соответствии с этим иммигрант может быть определен как:

1. Трудовой.
2. Образовательный.
3. Культурный.
4. Служебный.
5. Семейный.
6. Вынужденный.

Инструментом, определяющим возможность наделения иммигрантов этими статусами, будет фиксация присущих им формальных и неформальных характеристик. Под *формальными характеристиками* понимаются официальные документы, характерные для каждого статуса:

1. Трудовой иммигрант: набор документов, разрешающих работать на принимающей территории или демонстрирующих устройство на работу.
2. Образовательный иммигрант: набор документов, разрешающих получать образование на принимающей территории или демонстрирующих участие в образовательном процессе.
3. Культурный иммигрант: набор документов, разрешающих нахождение на принимающей территории при проведении досуга.
4. Служебный иммигрант: набор документов, подтверждающий наличие служебного задания с территории исхода на принимающей территории.
5. Семейный иммигрант: набор документов, подтверждающих воссоединение с семьей или гарантирующих брак.
6. Вынужденный иммигрант: набор документов, демонстрирующих необходимость отъезда с территории основного места жительства.

Под *неформальными характеристиками* подразумевается цепочка действий, производимая участниками иммиграционного процесса, направленная на удовлетворение цели приезда. Конкретные практики, присущие разным статусам иммигранта:

1. Трудовой иммигрант: действия по трудоустройству на принимающей территории.
2. Образовательный иммигрант: действия, направленные на поступление в учебное заведение или учебный процесс на принимающей территории.

3. Культурный иммигрант: действия по удовлетворению развлекательных, оздоровительных, спортивных, гостевых, познавательных, религиозных потребностей в рамках практик досуга.
4. Служебный иммигрант: действия по повышению эффективности работы в месте исхода.
5. Семейный иммигрант: действия, направленные на воссоединение с семьей или регистрацию брака.
6. Вынужденный иммигрант: фиксация отсутствия целенаправленных действий.

Каким образом соотносятся формальные и неформальные характеристики статуса иммигранта? Так как в эмпирической трактовке *статус иммигранта* определяется как совокупность стабильных признаков иммигранта, оказывающих влияние на характер его повседневных действий, можно утверждать, что характер повседневных практик демонстрирует его статус. Таким образом, для выделения конкретных иммиграционных статусов исследователю необходимо оценить их формальные и неформальные свойства в совокупности, подтверждая или опровергая формальные признаки неформальными практиками. Например, для определения статуса трудового иммигранта необходимо зафиксировать наличие документов, разрешающих работать на принимающей территории или целенаправленные действия по трудоустройству. Если формальные и неформальные характеристики будут совпадать, то исследователь может фиксировать у участника миграционного процесса статус трудового иммигранта.

Однако исследовательская практика демонстрирует, что формальные и неформальные характеристики не всегда подтверждают друг друга. В случае несовпадения характеристик исследователю необходимо ориентироваться на неформальную часть, поскольку формальные критерии, в отличие от действий, с большей долей вероятности являются показательными. Это справедливо и для статусов образовательного, культурного, семейного и служебного иммигранта.

Например, если исследователь не фиксирует у иммигранта из Узбекистана официальных документов, кроме гражданства, а, проанализировав повседневные практики, наблюдает действия по поиску работы, в этом случае очевидно несовпадение формальных и неформальных характеристик, маркируется статус трудового иммигранта. Если же у такого иммигранта отмечаются целенаправленные действия по удовлетворению культурно-развлекательных потребностей, то несовпадение формальных и неформальных характеристик отсутствует, участник миграционного процесса наделяется статусом культурного иммигранта.

Статус *вынужденного иммигранта* исследователь может присвоить человеку, участвующему в миграционном процессе, если у него будет зафиксирован набор документов, демонстрирующих вынужденность его отъезда с территории основного места жительства. Однако исследовательская практика демонстрирует, что формальные и неформальные характеристики не всегда подтверждают друг друга. В случае несовпадения характеристик исследователю необходимо ориентироваться на неформальную часть, поскольку формальные критерии, в отличие от действий с большей долей вероятности являются показательными. Следует отметить, что в некоторых случаях для определения статуса иммигранта обращение к формальным

характеристикам неизбежно, например, если исследователь зафиксирует у одного объекта целенаправленные действия, характерные для иммигрантов разных статусов. В такой ситуации следует ориентироваться на формальные характеристики. Например, если у иммигранта, приехавшего из Ростова в Санкт-Петербург, исследователь фиксирует наличие документов, подтверждающих участие в образовательном процессе, анализ его повседневных практик показывает целенаправленные действия по поиску работы и обучению в вузе, в этом случае заметно частичное несовпадение формальных и неформальных характеристик. Однако, ориентируясь на совпадение формальных и неформальных характеристик «образовательного статуса», можно определить иммигранта как образовательного.

Базовая классификация иммигрантов, предложенная в данной статье, может быть дополнена другими критериями классификации при реализации конкретных исследовательских целей. Например, может быть введен критерий внешней / внутренней иммиграции, гендера иммигранта и др. Важным фактором ввода новых критериев является возможность их операционализации. Предложенная выше классификация иммигрантов (трудовой, образовательный и др.) основана на критериях, которые можно зафиксировать в «статическом» эмпирическом исследовании, как и дополнительные характеристики, такие как «внутренний-внешний», «женский-мужской» и т. п. Отметим, что характеристики постоянности, временности, сезонности и т. д. невозможно зафиксировать в настоящем времени, однако они могут быть операционализированы в исследовании миграционных процессов, предполагающем историческую ретроспективу.

Список литературы (References)

Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С., Игнатьева О. А. Приток умов в Россию // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 68—70. [Allakhverdyan A. G., Agamova N. S., Ignateva O. A. (1995). Pritok umov v Rossiya [Brain gain in Russia] *Sociological studies*. No. 12. P. 68—70. (In Russ.)].

Амелин В. В., Виноградова Э. М., Назарова Е. А., Сусоколов А. А. Интеграция беженцев и переселенцев в российский социум. Оренбург, 1997. [Amelin V. V., Vinogradova E. M., Nazarova E. A., Susokolov A. A. (1997) *Integratsiya bezhentshev i pereselentsev v rossiiskii sotsium* [Integration of refugees and migrants into the Russian society]. Orenburg. (In Russ.)].

Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление). 4-е изд. М. : МПСИ : МОДЭК, 2007. [Bondyрева S. K., Kolesov D. V. (2007) *Migratsiya (sushchnost i yavlenie)* [Migration (essence and phenomenon)]. Moscow: MPSI, MODEK. (In Russ.)].

Вендина О. Мигранты в Москве: грозит ли Российской столице этническая сегрегация? // Миграционная ситуация в регионах России. Вып. 3. М. : Центр миграционных исследований, 2005. [Vendina O. (2005) *Migranty v Moskve: grozit li Rossiiskoi stolitse etnicheskaya segregatsiya?* [Migrants in Moscow: Does Russian Capital Face the Threat of Ethnic Segregation?]. In: *Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii* [Migration situation in the Russian regions]. Issue. 3. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy. (In Russ.)].

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии : учебное пособие / под ред. Г. С. Батыгина. М. : Издательский дом «Новый учебник», 2004. [Gradoselskaya G. V. (2004) Setevye izmereniya v sotsiologii: Uchebnoe posobie [Network measurements in sociology: Textbook]. Ed. by G. S. Batygin. Moscow: Izdatelskii dom «Novyi учебник». (In Russ.)].

Грищенко В. В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов / В. В. Грищенко // Психология беженцев и вынужденных переселенцев / под ред. Г. У. Солдатовой. М. : Смысл, 2001. [Grishchenko V. V. (2001) Rol' individual'nykh razlichii v protsesse adaptatsii vynuždennykh migrantov [Role of individual differences in the process of adaptation of displaced persons]. In: *Psikhologiya bezhentsev i vynuždennykh pereselentsev [Psychology of refugees and displaced persons]*. Ed. by G. U. Soldatova. Moscow: Smysl. (In Russ.)].

Зайончковская Ж. А. Вынужденные мигранты в странах СНГ и Балтии // Социологическое исследование. 1998. № 6. С. 55—60. [Zaionchkovskaya Zh. A. (1998) Vynuždennyye migranty v stranakh SNG i Baltii [Displaced persons in the CIS and Baltic countries]. *Sociological studies*. No. 6. P. 55—60. (In Russ.)].

Карачурина Л. Б. Внутророссийская миграция: современные тенденции, вызовы и проблемы // Региональные исследования. 2004. № 2. С. 17—24. [Karachurina L. B. (2004) Vnutrirossiiskaya migratsiya: sovremennyye tendentsii, vyzovy i problemy [Internal Russian migration: modern trends, challenges and problems]. *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*. No. 2. P. 17—24. (In Russ.)].

Клупт М. А. Демографическое развитие в поляризованном обществе // Народонаселение. 2005. № 4. С. 54—65. [Klupt M. A. (2005) Demograficheskoe razvitie v polyarizovannom obshchestve [Demographic development in a polarized society]. *Narodonaselenie [Population]*. No. 4. P. 54—65. (In Russ.)].

Мукомель В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты. М. : Диполь-Т, 2005. [Mukomel V. I. (2005) Migratsionnaya politika Rossii: postsovetskie konteksty [Russia's Migration Policies: post-Soviet contexts]. Moscow: Dipol'-T. (In Russ.)].

Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. [Parsons T. (2000) The Structure of Social Action. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)].

Рыбаковский Л. Л. Исследования миграции населения в России. Гл. 22 // Социология в России / под ред. Ядова В. А. М. : Ин-т социологии РАН. 1998. С. 436—451. [Rybakovskii L. L. (1998) Issledovaniya migratsii naseleniya v Rossii [Studying the population migration in Russia]. Ch. 22. In: V. A. Yadov (ed.) *Sotsiologiya v Rossii [Sociology in Russia]*. Moscow, Institute of Sociology. P. 436—451. (In Russ.)].

Рыбаковский Л. Л. Изучение миграционных процессов в России и формирование научных направлений / под ред. О. Д. Воробьевой // Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования. Приложение к журн. «Миграция в России». М., 2001. [Rybakovskii L. L. (2001) Izuchenie migratsionnykh protsessov v Rossii i formirovanie nauchnykh napravlenii [Studying the migration processes in Russia and

formation of scientific disciplines]. In: Vorobieva O. D. (ed.) *Migratsiya naseleniya. Vyp.1. Teoriya i praktika issledovaniya. Prilozhenie k zhurn. «Migratsiya v Rossii» [Population Migration. Issue.1: theory and practice of research. Supplement to journal «Migration in Russia»]*. Moscow. (In Russ.).

Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь : Книжное издательство, 2001. [Ryazantsev S. V. (2001) Vliyanie migratsii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie Evropy: sovremennye tendentsii [The influence of migration on social and economic development of Europe: modern tendencies]. Stavropol: Knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.).]

Толстой А. Художники русской эмиграции. М. : Искусство — XXI век, 2005. [Tolstoy A. (2005) Khudozhniki russkoi emigratsii [Russian emigration painters]. Moscow, Iskustvo — XXI vek. (In Russ.).]

Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102—109. [Yudina T. N. (2002) O sotsiologicheskom analize migratsionnykh protsessov [On Sociological analysis of migration processes]. *Sociological studies*. No.10. P. 102—109. (In Russ.).]

Castles S., Miller M. (1993) *The age of migration: international population movements in the modern world*. London: Macmillan.

Harris J., Todaro M. (1970) Migration, unemployment and Development: a two-sector analysis. *American Sociological Review*. No. 60. P. 126—142.

Kivisto P. (2001) Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 24. No. 4. P. 549—577.

Lee E. A. (1996) The theory of migration. *Demography*. No. 3. P. 47—57.

Massey D. (2002) A Synthetic theory of international migration. *World in the mirror of international migration*. No. 10. P. 143—153.

Oishi N. (2002) Gender and Migration: An Integrative approach. *The center for comparative immigration studies CCIS University of California*, working paper. No. 49. P. 1—18.

Ozden C., Schiff M. (2006) *International Migration, Remittances, and the Brain Drain*. Washington, DC: The World Bank & Palgrave Macmillan.

Portes A. (2006) *Immigrant America*. 3-d ed. Rev, Exp. and Upd. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press. P. 460.

Ravenstein E. G. (1876) Birth places of people and the Laws of Migration. *Geographical Magazine*. No. 3. P. 173—177.

Ravenstein E. G. (1885) The Laws of migration. *Journal of the Statistical Society*. No. 46. P. 167—235.

Ravenstein E. G. (1889) The laws of migration: second paper. *Journal of the Statistical Society*. No. 52. P. 241—305.

Sassen S. (2000) Regulating Immigration in a global age: a new policy Landscape. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. No. 570. P. 65—77.

Stouffer S. A. (1940) Intervening opportunities: a theory relating mobility and distance. *American Sociological Review*. No. 5. P. 845—867.

Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of Mobility Transition. *Geographical Review*. No. 6. P. 219—249.